

[Шпет, 2005. С. 340]. Динамичная картина мира, включив в себя четвертое измерение – Хронос, превращается в то, что мы называем историческим сознанием. Оно принадлежит уже не только и не столько самому историку, а его прямым и косвенным собеседникам – той широкой социальной аудитории, в которой он становится замечен благодаря яркой красоте распахивающихся крыльев – открываемой истины его имаго. В воспринимаемом и впитываемом обществом историческом сознании оживает не только прошлое. В нем, прежде всего, ощущается неразрывная связь между прошлым, настоящим и будущим. Без этой живой связи необходимая навигация и ориентация человека в воссоздаваемой каждый раз заново картине мире невозможны, иначе наступает время (вернее, безвременье) манкуртов, тогда горят, затапливаются и сливаются национальные библиотеки [Немчинов, 2016. С. 518], тогда закрывается доступ в архивы, тогда опять разрывается связь времен, и вот тогда-то снова наступает время грядущего хама и всемирного халифата. Вот почему сегодня так важно бороться против постоянной угрозы обезчеловечивания; в этом я вижу колоссальную общекультурную гуманитарную значимость и, если угодно, не вполне понимаемую сегодня великую общечеловеческую первостепенную роль музея–библиотеки–архива – содержательной основы нашего исторического сознания и нашей мировой культурной идентичности. Ведь не случайно, чтобы быстрее исчезло из памяти человечества, на наших с вами глазах у нас отнимается, уничтожается, взрывается, стирается с лица земли то, до чего дотягиваются руки недочеловеков: сокровища Петры, горные статуи Будды и многое другое из всемирного культурного наследия.

А как же наш герой – историк? Дело в том, что присутствие в картине мира наблюдателя и его субъективной позиции, окрашенной в личностные цвета (в тот окрас, что в новейшей теории сознания определяется понятием «квалиа»), делает научную позицию историка субъективированным и значимым образом мира. Здесь исследователь уподобляется Ланцелоту. Борясь с драконами исторических стереотипов историк, с трудом расчищая истину, с ужасом замечает, как скоро его найденная свежая историческая правда начинает обрастать коростой отчуждения. В дело вступает эффект Даннинга–Крюгера – метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что историки и, главным образом, их неподготовленные слушатели, имеющие низкий уровень образования, часто делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом не способны осознавать свои ошибки в силу низкой квалификации. Это прежде всего относится к проблеме поиска, обретения и утраты исторической правды. Вырастать из себя, научиться соединять свое осознание со своим поведением, превратить их в нечто единое – вот трудная миссия историка и человека. Решать ее можно лишь в содружестве с музеем, с архивом, с библиотекой, со зрителем, с читателем, со слушателем, с той аудиторией, которая составляет главную и неотъемлемую часть нашей исторической памяти.

Библиография

- Волконский С. князь. Мои воспоминания. Т. 1: Лавры. Странствия. Разговоры. М.: Захаров, 2004. 544 с.
- Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо, 2003. 1056 с.
- История моды: еженедельное издание. М.: Де Агостини, 2016. Вып. № 1. 48 с.
- Мода сквозь века. История стилей и практика модного этикета. М.: ООО Де Агостини, 2016. 24 с.
- Немчинов В.М. Социализация и индивидуализация в формировании исторического сознания в эмпирических исследованиях психологии подростков // Мир психологии. 1998. № 3. С. 83–102.
- Немчинов В.М. Человекоразмерность новейших коммуникационных и информационных технологий: на пути к диалогическому знанию XXI века // Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникационных технологий. М., 2014. С.175-183.
- Немчинов В.М. Проблемы и перспективы музейной репрезентации исторического сознания: опыт творческой коммуникации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 565–587.
- Немчинов В.М. Востоковед и книга: размышления о судьбах библиотеки в информационном поле культуры XXI в. // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 515–525.
- Сокулер З.А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
- Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. М.: Касталь, 1996. С. 97–268.
- Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
- Шмеман А.Д., протопрепстер. Беседы на Радио «Свобода». Т. II. М.: изд-во ПСТГУ, 2009. 544 с.
- Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
- Šola T. The Best in Heritage: Projects of Influence. Zagreb. European Heritage Association, 2016. 184 p.

УДК 930.02.069

А.А. Никонова, А.А. Nikonova

МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ И /ИЛИ ЭКСПОНАТ: К ПРОБЛЕМЕ МУЗЕЙНОЙ ЭВРИСТИКИ

MUSEUM ITEM AND /OR THE EXHIBIT: TO THE PROBLEM OF MUSEUM HEURISTICS

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ№ 15-04-00400.

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы изучения музейного предмета как источника познания прошлого и экспоната, как медиатора формирования музейной культуры у посетителя. Особое внимание уделяется изучению свойств и ценностей музейного предмета и экспоната в научно-фондовой и научно-исследова-

тельской деятельности музея. Сложность обозначенной проблематики провоцирует неопределенность терминологических границ, что нивелирует динамику процесса реструктуризации фундаментальных культурных смыслов, бытующих в современном музейном пространстве. Такую задачу может решить музейная эвристика как отдельное направление музеологических исследований.

Ключевые слова: музей, музеология, музейная эвристика, исторический источник, историческое самосознание, музейный предмет, экспонат, информационный потенциал, музейное источниковедение, экспозиция.

Abstract: this article considers modern problems museum object studies as a source of knowledge of the past, and museum exhibit as a mediator of the formation of museum culture of a visitor. Special attention is paid to the study of properties and values of museum object and exhibit in the scientific and research activities of museum. The complexity of the designated problems provokes uncertainty of the terminology boundaries, which eliminates the dynamics of the process of restructuring of fundamental cultural meanings prevalent in the modern museum space. This problem may be solved in the field of museum heuristics as a separate direction of museological research.

Keywords: museum, museology, museum heuristics, historical source, historical identity, museum item, exhibit, information potential, museum source studies, exposition.

Отношение индивида и коллектива к исторической, культурной и социальной памяти обладает способностью к постоянным трансформациям и трансгрессиям. Уловить имманентные колебания и внешние факторы таких изменений – задача исследователей и ученых. Для обывателя эти изменения часто остаются неуловимы, но иногда они приобретают видимую форму и могут стать причиной размышления для каждого. Таким топосом (пространственным и смысловым) между прошлым и настоящим, между современным человеком и его предками, между базовыми гуманистическими ценностями и стремлением к модернизации этих ценностей является музей. В музейном пространстве осуществляется пульсация социокультурной памяти в различных формах сохранения, интерпретации, забвения, контаминации и вытеснения. Изначально историческая канва в культуре транслировалась через подлинный артефакт как фрагмент прошлого, как высказывание, как вопрошание, как неполное отражение событий в общественном сознании отдельной личности и историческом опыте социума. Однако время неумолимо вносит свои коррективы в процесс познания прошлого, и сегодня реальность и миф, дополняя друг друга, образуют иллюзорные смысловые фигуры, скрывающие подлинность исторического источника и ретуширующие вымысел о нем. Эти изменения негативно отражаются на исследовании музейного предмета как артефакта прошлого, поскольку по-иному стала пониматься сущность музейного предмета, двойственность и неоднозначность его свойств, функций и ценностей.

В исследованиях по общей теории музееведения или метамузеологии феномен музейного предмета и становление его значений рассматриваются, как правило, в контексте изучения различных музейных практик или при анализе музея как социокультурного института (культурной формы) (см. работы В.Ю. Дукельского, Т.П. Полякова, Т.П. Калугиной, А.Н. Балаш и др.). Сложность и неразработанность обозначенной проблематики провоцирует неопределенность терминологических границ, что, в свою очередь, нивелирует динамику процесса реструктуризации фундаментальных культурных смыслов, бытующих в современном музейном пространстве. Можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают неполноту исследований музейного предмета как исторического источника в системе информационных ресурсов исторической науки [Румянцева, 2015]. Необходимо добавить, что в меньшей степени исследована и проблема восприятия информационного поля музейного предмета посетителем, следовательно, и его когнитивные возможности в экспозиции при моделировании «музейной истории». Встает закономерный вопрос о том, возможна ли в этом случае адекватная интерпретация объекта культурного наследия, и в частности – музейного предмета [Чувилова, 2015]. В современном музееведении активно обсуждается коммуникативный подход в деятельности музея и различные модели медиации. Но одновременно с акцентом на потребности посетителя музея из музейной практики исчезает актуализация информационного поля музейного предмета как специфического источника знания о прошлом. Гносеологические функции музейного предмета в большей степени исследуются как субъектно-объектные отношения. В стороне остаются изменения специфических свойств музейного предмета внутри музейного пространства и их влияние на субъектно-объектные отношения. В данном контексте интересно проследить динамику семантических коннотаций, возникающих в триаде «предмет музейного значения – музейный предмет – экспонат».

Существующий в реальности предмет прошлого как объект культурного наследия может иметь дополнительные ценности для индивида, социальной группы или социума в целом. Именно дополнительные ценностные характеристики меняют статус предмета прошлого в реальности и позволяют именовать его предметом музейного значения, который потенциально достоин сохранения в музее как специфическом социальном институте памяти. Следовательно, уже в реальности в предмете музейного значения формируются свойства и ценности будущего музейного предмета. Предмет музейного значения, попадая в музейное пространство, становится символической музейной вещью. Этому способствуют и особенности пространственных, временных и тематических границ музейного предмета, которые напрямую связаны с возможностью музейного предмета включаться в различные контексты не только экспозиций, но и интерпретаций (научных, обыденных, административных). Условия и зако-

номерности наделения новых семантических значений требуют своей формы фиксации, поскольку являются специфической формой знания о музейном предмете. Полнота свойств (или музеальность) приобретает музейным предметом не сразу, но имеет свои институциональные этапы. Вторым этапом выявления музеальности предмета прошлого, после определения его как предмета музейного значения, является решение о его включении в музейное собрание, которое оформляется экспертным заключением (заключение ЭФЗК). Оно впервые легализует информационное поле музейного предмета как значимое для социума, который делегирует эту функцию профессиональному сообществу. Компетентность специалистов для социума является безусловной, и данным актом закрепляется статус музея как научного учреждения, имеющего не только разработанную и обоснованную научную концепцию комплектования фондов, но и осуществляющего исследования в области теории документирования и тезаврирования. Теория документирования исследует особенности музейности как одного из свойств действительности, выявляет в реальности предметы, которые необходимо сохранять и актуализировать как своеобразные, прежде всего аутентичные, документы исторической памяти. Однако теоретические проблемы отбора и комплектования музейных предметов крайне редко становятся темой исследования музейных специалистов. В данных исследованиях возникают определенные терминологические и методологические трудности. Например, А.В. Лушникова пишет, что в музее «видовой и функциональный состав документов достаточно велик, т.к. отражает различные направления: учетная, хранительская, научно-справочная, инвентаризационная, реставрационная, экспозиционная, отчетно-статистическая и др. Такое разнообразие предполагает включение в обработку не только музейных предметов, но и документоведческих нормативов различных институтов, осуществляющих хранение и обработку социокультурной информации. Сегодня среди них априори присутствуют библиотеки, архивы, научно-исследовательские институты (исторического, культурологического, научно-технического профиля)» [Лушникова, 2013]. Автор справедливо отмечает, что использование терминологии документоведения в музейной деятельности возможно, но оно должно быть функционально выверено. Кроме того, следует обратить внимание на стремительное развитие документоведения как специфической отрасли знания, которое пытается интегрировать гуманитарные науки, использующие различные виды «документов» как предмета научного знания в единую систему дисциплин – документо-коммуникационную. В тоже время исследователи отмечают, что «для обоснования сродства смежных наук и различия их с науками, изучающими документ (т.е. с документоведением, документологией и документалистикой), необходим специальный метод исследования, так как метод создается для преодоления определенного рода трудностей» [Полтавская, 2014. С. 12].

Активная исследовательская позиция библиотковедения, документоведения и других гуманитарных наук, связанных с сохранением специфической информации о человеческой деятельности, его креативности, познании, памяти, ставит перед музееведением новые задачи, которые может решить музейная эвристика как отдельное направление музеологических исследований. Основой для нового направления исследований должны стать работы историков и архивистов, которые уже развивают историческую и архивную эвристику (архивная эвристика и означает процесс поиска информации в документах, хранящихся в архиве, историческую интернет-эвристику. [Толстова, 2015; Володин, 2014]. Музейная эвристика непосредственно связана с методологией исследования музейных коллекций, с теорией тезаврирования, которая формирует научную основу фондовой работы. Музеология как научная дисциплина не выработала еще свои специфические методы исследования, а использует весь спектр методов гуманитарных наук; вероятно, именно поэтому музейные специалисты не выделяют особенности и специфику получения знания при атрибуции музейного предмета [Никонова, 2016].

В музееведении исследователи выделяют следующие свойства музейного предмета: ассоциативность, экспрессивность, аттрактивность, репрезентативность, информативность (Д.А. Михайлова), в дополнение к перечисленным – мемориальность, коммуникативность (Ю.Г. Рогатко), ассоциативность, экспрессивность, аттрактивность, репрезентативность, информативность и уникальность (К.А. Копылова), экспрессивность, аттрактивность, репрезентативность, информативность (В.А. Капралов) [Решетников, 2014]. Безграничность не только информационного потенциала музейного предмета, но и его свойств должна быть предметом исследований музейными специалистами. Однако следует отметить, что в музейной практике выделенные теоретиками свойства музейного предмета не исследуются и нормативно не закреплены. Из всех свойств музейного предмета только информативность и репрезентативность являются свойствами любого вещественного исторического источника, но в музейном пространстве эти свойства предмета получают уже иное значение. Так, музейный предмет на этапе научно-фондовой деятельности, в результате учета получая номерную маркировку (уникальный идентификационный номер), становится Единицей учета. И далее во всех видах музейной документации (документации первого порядка) музейный предмет выступает как единица учета, в определенном смысле теряя свою специфику. В то же время, в последней редакции закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. (статья 3) дано определение музейного предмета как «культурной ценности, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление», а в Госкаталоге в пере-

чень обязательных для заполнения полей добавили поле: категория ценности музейного предмета.

В теории музееведения выделяются следующие ценности музейного предмета: научная, мемориальная, историческая, эстетическая и художественная. Поскольку все свойства музейного предмета составляют его музейность, то общей ценностной характеристикой музейного предмета может считаться его музейная ценность. Однако с точки зрения аксиологического подхода к музейному предмету можно говорить, что музейная ценность «снимается» более универсальным понятием – «культурные ценности». При внесении данных о ценности музейного предмета в Госкаталог предлагается иная градация: 1 – культурные ценности мирового значения, предметы из драгоценных металлов, 2 – культурные ценности общероссийского значения, 3 – культурные ценности, имеющие значение для народов Российской Федерации [Абрамова, 2017]. Не трудно заметить, что категория «культурные ценности» в данном случае имеет привязанность к конкретной геополитической стратификации. Вопрос о том, что дает такая классификация ценностей, включенная в информационное поле музейного предмета, для его изучения и популяризации, остается пока открытым. Не определен и способ фиксации свойств музейного предмета и его музейной ценности в документах на этапах выявления и изучения новой информации о музейных коллекциях (документы второго порядка). Вопрос этот не праздный, поскольку его решение напрямую связано со следующим этапом существования музейного предмета в музейном пространстве как экспоната.

Изучение музейного предмета в музее не может останавливаться только на фиксации историко-культурной информации (информационного поля музейного предмета), а должно продолжаться при изучении влияния свойств музейного предмета на познание, эмоции и внимание посетителя, определяя методы показа аттрактивных и ассоциативных характеристик предмета. Кроме того, важным направлением в исследовательской деятельности является изучение свойств самого экспоната. В экспозиции экспонатом является не только подлинный музейный предмет, но и различные вспомогательные материалы, которые раскрывают и дополняют информационное поле музейного предмета, моделируя историко-культурный контекст или формируя образ культурного феномена или исторического события. Поэтому основной целью музея можно считать (перефразируя слова А.Ф. Котса о цели музеологии) актуализацию не только данных о музейных коллекциях в экспозиции, но и исследование восприятия экспоната посетителем. В этой связи следует еще раз обратить внимание читателя на важность развития теоретических и методологических исследований в музеологии.

Изучение свойств и функций экспоната в музееведческой литературе крайне редко и имеет чаще всего прикладной характер. Следует выделить ста-

тью И.В. Андреевой «Экспозиционные материалы как понятие музееведения: определение, классификация, характеристика основной группы», в которой подробно анализируются терминологические различия таких понятий, как «экспозиционные средства» и «экспозиционные материалы», их особенности [Андреева, 2011]. Автор считает, что термин «экспонат» не может отразить все разнообразие выставляемых предметов и предлагает использовать вместо него термин «экспозиционные материалы», выделяя в них две группы: основную (подлинные музейные предметы) и вспомогательную. Однако такое деление не снимает проблемы восприятия экспоната посетителем и использование этого термина в научной литературе.

Перспективное изучение музейного экспоната возможно в рамках развития музейной эвристики и теории экспозиции. Представляется недостаточной и классификация экспонатов на подлинные музейные предметы и вспомогательные материалы (с разделением на виды внутри каждого типа). Мы предлагаем для начала акцентировать в исследованиях базовые различия двух групп экспонатов, обозначая их как «экспонат-подлинник» и «вспомогательный-экспонат». Грамотное использование научного языка музееведения/музеологии важно для определения «исследовательских рамок», поскольку в музееведческой литературе наблюдается свободное оперирование терминами (так, «музейный предмет» часто подменяется «экспонатом»).

Целесообразно обратить внимание как исследователей, так и посетителей на свойства и функции аутентичного музейного предмета как экспоната. Сложный и фрагментарный культурный текст экспоната-подлинника в экспозиции не может быть освоен посетителем самостоятельно. Знание посетителя формируется системно, а в музейной экспозиции это «восхождение» происходит «линейно», когда экспозиция создается как цельное повествование, наглядно-предметная книга, восполняющая «белые пятна» в познании посетителя. Основной задачей такого метода экспонирования является не акцентирование внимания на предмете, его форме, фактуре, деталях и других чертах, не обращение к навыкам медленного, пристального, подробного рассматривания предмета, а к восприятию экспозиции как историко-культурного или художественного текста. Этот подход сложился в традициях научно-просветительской миссии музея и был характерен для краеведческих и исторических музеев. В то же время такой «контекстный метод» не стирал грань между подлинником и копией, но нивелировал ценность подлинности, мешал восприятию ее особой энергетике. Так формировалась «информационная среда» экспоната на экспозиции. Подлинный музейный предмет, став экспонатом, менял свои характеристики и свойства, он становился одним из многих экспонатов.

Следующий этап трансформации свойств экспоната-подлинника связан с постепенным преобладанием в экспозиции различных форм воспроизведений

музейного предмета. Об этой проблеме сегодня пишут многие исследователи [Балаш, 2015]. Некоторые из них уверены, что, например, копии музейных предметов имеют те же свойства, что и подлинники, и проблема заключается в психологии восприятия двух форм бытования предмета посетителем и технологий экспонирования копий и подлинников [Дриккер, 2013]. Какими же основными свойствами обладает сегодня экспонат в экспозиции? Вероятно, основные свойства музейного предмета сохраняются в экспонате, если он становится музейным предметом. Но приоритет актуализации свойств меняется значительно. На первый план выходят аттрактивность, экспрессивность и ассоциативность экспоната – те свойства, которые способствуют привлечению внимания, получению нового впечатления и удивления, способствующих возникновению воспоминаний. В то же время информативность и репрезентативность не становятся приоритетными при восприятии экспоната-подлинника и всей экспозиции посетителем.

Однако этими же свойствами обладают и экспонаты из вспомогательных материалов (фотографии, карты, схемы, макеты и т.д.). В некоторых случаях экспрессивность и аттрактивность вспомогательных экспонатов даже выше, чем у экспоната-подлинника, а информативность значительно меньше. Но в экспозиции эти особенности не акцентируются, и посетитель учится воспринимать музейную экспозицию как текст с равнозначными средствами выражения (поэтому так «органично» воспринимаются новые технологии «виртуальных» образов в музее). Современный уровень производства материальных объектов, быстрый уровень технических достижений, конвейерный стиль и доминирование всех типов тиражирования материальных предметов ставят под сомнение ценность аутентичности как таковой и как следствие – аутентичности прошлого. Патина времени, выщерблены и трещины, утраты и искажения тщательно скрываются (реставрируются) музейными специалистами, уверенными в своем праве распоряжаться подлинностью. Но это не так. Именно потому необходима интеграция научной методологии получения знания и анализа восприятия артефактов посетителем, поскольку экспонат на экспозиции включен в современный социальный процесс и его эвристические свойства становятся значимыми для конкретного, а не абстрактного посетителя.

Следовательно, все исследования музейного предмета должны быть в той или иной форме представлены на экспозиции. В то же время, большинство результатов научных статей, посвященных изучению музейного предмета, его атрибуции и интерпретации доступны только профильным специалистам и не включены в экспозицию. Подлинность исторической информации, сохраненная в музейном предмете, заменяется знаковой, эстетической или игровой формой представления культурного объекта. Посетитель, с молчаливого одобрения профессионального сообщества (профессиональный конформизм),

перестает отличать правду от подмены и лжи, возвышенное – от низменного, реальное – от мнимого. В таком случае, подлинная историческая информация во всем своем объеме не является основой историко-культурного, социокультурного и, в итоге, мировоззренческого контекста музейной экспозиции. Отказ от акцента на познание атрибутивных свойств предмета, его уникальности как исторического источника и привело к тому, что образная, художественная, символическая суть стала доминировать в экспозиции. Учитывая лаконичность аннотаций и современные методы экспонирования, можно с уверенностью констатировать «смерть» музейного предмета в экспозиции. В специальных выставочных проектах (например, фондовых выставках или выставках новых поступлений) или иных локальных музейных проектах мы можем увидеть выставленными только подлинники, но чаще всего такие проекты рассчитаны на «профессионального посетителя».

Различные виды воспроизведений музейных предметов не должны подменить экспонат-подлинник, поскольку в них не только информационное поле, но и некоторые свойства подлинника формализованы. Любая формализация историко-культурных данных всегда будет неполной и ущербной для смыслового и семантического восприятия. К таким выводам можно прийти уже при анализе баз данных о предметах музейных коллекций, размещенных на сайтах некоторых музеев. Виртуальная информация зачастую состоит в сложных взаимоотношениях с исходной, первичной реальностью, что рождает специфические формы их влияния друг на друга; утрачиваются первоначальные базовые смыслы. В сознании посетителя формируются иные образы – «технообразы». Можно согласиться с исследователями, которые, анализируя особенности цифрового наследия, считают, что перевод сведений о музейном предмете в цифровой формат и сохранение их на ином носителе позволяют сделать информационный срез о предмете иного объема и качества и использовать его без ограничений в исторических реконструкциях, проводимых музеем [Родионова, Реховская, 2015]. В то же время роль исторических реконструкций для трансляции научного знания еще мало изучена. Аргументация музейных чиновников и сотрудников о большом образовательном потенциале данных ресурсов никак не подтверждается серьезными исследованиями. В результате основная характеристика экспоната-подлинника – быть аутентичным источником знаний о прошлом – не имеет сегодня в музее адекватной визуальной формы.

Во многих музейных экспозициях для посетителя остается сокрытой радость переживания нового знания, генерируемого подлинным музейным предметом. Это умение радоваться трудному процессу познания и уважения к прошлому не дается человеку с рождения, а приобретается благодаря обучению. Следовательно, одной из основных задач музейной экспозиции является обучение посетителя умению выделять и понимать научное знание, генериру-

емое музейным предметом, поскольку предмет изъят из среды своего первоначального обитания, со временем претерпел значительные трансформации. Музейного посетителя надо научить видеть детали, нюансы, особенности, патину, следы реставрации, индивидуальные и типовые характеристики экспоната. Подлинность, документальность могут быть сильным средством эмоционального воздействия, основанного на высоком познавательном значении музейного предмета. Для распознавания историко-культурной информации каждому посетителю необходимо овладеть эвристическими методами. Затем возможно развивать у них способность к субъективной интерпретации экспозиции.

В данном контексте следует выделить два направления развития музейной эвристики. Первое направление (дисциплинарная музейная эвристика) осваивают музейные специалисты, выявляя и сохраняя историко-культурную информацию в музейных фондах, а затем актуализируя ее в музейной экспозиции. Второе направление (познавательная музейная эвристика) связано с обучением методам получения и освоения историко-культурной информации посетителем музея. Познавательная музейная эвристика, безусловно, должна базироваться на исследованиях музейной психологии и социологии. Междисциплинарные исследования в таком контексте научной проблемы существенно помогут изучению следующей функции музейного предмета – коммуникационной.

Библиография

- Абрамова Ю.А. Музеи и Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации. 2017. Электронный ресурс: <http://www.agkm.ru/files/29.pdf> (дата обращения 05.06.2017).
- Андреева А.И. Экспозиционные материалы как понятие музееведения: определение, классификация, характеристика основной группы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1 (25). С. 20–25.
- Балаи А.Н. Подлинники и воспроизведения: теоретическое осмысление проблемы аутентичности музейного предмета в музеологическом дискурсе последней четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 42–45.
- Володин А.Ю. Интернет-эвристика: 10 лет развития учебной дисциплины // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. С. 182–185.
- Дриккер А.С. Уникальность и тиражирование в цифровую эпоху // Сборник докладов Всероссийской конференции «Использование современных мультимедийных технологий в целях сохранения и реставрации объектов культурного наследия». СПб.: СПбГУ, Институт искусств, 2013. С. 16–24.
- Никонова А.А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры: научн. рецензируемое электронное издание. СПб.: Эйдос, 2016. № 3. Электронный ресурс: <http://culturalresearch.ru/ru> (дата обращения 05.09.2016).
- Полтавская Е.И. Науки документо-коммуникационной сферы в системе социально-гуманитарного научного знания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 1(37). С. 9–13.

Решетников Н.И. Музей и проектирование музейной деятельности: учебное пособие. М.: МГУКИ, 2014. Электронный ресурс: http://www.opentextnn.ru/museum/Museum_textbook/?id=5839 (дата обращения 05.06.2017).

Родионова Д.Д., Реховская Т.А. Современные подходы к музейному источниковедению // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Серия: Культура. Культурология. 2015. № 3(32). С. 53–57.

Румянцева М.Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 70–78.

Толстова Н.Н. Архивная эвристика: методические рекомендации. Учебно-методическое пособие. Изд. 2-е, исправл. и доп. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. 75 с.

Чувилова И.В. История в музейном пространстве: material prima // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 93–102.

УДК 004 + 002

В.В. Определенов, V.V. Opredelelov

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ (АКТУАЛЬНЫЕ ИТ-ТРЕНДЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ)

DIGITAL TRANSFORMATION & MEMORY INSTITUTIONS (ACTUAL IT TRENDS IN CULTURE)

Аннотация: музеям, как и любым другим организациям, необходимо постоянно думать о будущем, «быть в тренде» не только выставками и просветительскими мероприятиями, но и своим соответствием меняющемуся миру, ИТ-инфраструктурой, использованием технических достижений. В рамках проектирования Музейного городка ГМИИ им. А.С.Пушкина были намечены пути развития основных направлений ИТ в музее: ИТ-инфраструктуры, комплексных систем безопасности, оцифровки коллекций и автоматизации учета, развития виртуального представления музея в сети Интернет, ИТ-сопровождения архитектурного и экспозиционного проектирования, модернизации систем реализации услуг и продуктов и т.п. Статья поможет понять основные тенденции и возможности, определяющие развитие ИТ-сферы и формирующие будущее современного музея.

Abstract: Museums like other cultural organizations have to manage actual trends while thinking about their future development, not only concerning exhibitions and educational activities, but using Information and Communications Technology (ICT) to fit a changing world. We marked out the main directions of IT-development to focus on during working on the Project of The Museum Quarter of The Pushkin State Museum of Fine Arts. These are: main IT infrastructure components (hardware, software, network resources and services), security systems, digitizing museum's collections and upgrading database, using information technologies,